

Аполлон КОРИНФСКИЙ

ЗАБЫТОЙ ПОВЕСТИ СТРАНИЦЫ

СВЯТОГОР

В старину Святогор-богатырь,
Чуя силу в себе дерзновенную,
В час недобрый надумал рукой
Приподнять-опрокинуть вселенную.

И на борзом своем скакуне
Он поехал в путину немалую, -
Едет тягу земную искать,
Видит гору вдали небывалую...

«Уж не здесь ли?!» И плеткой коня
Он ударил рукою могучею, -
Конь взлетел, словно птица, наверх
И как вкопанный встал по-над кручею...

Слез с седла богатырь Святогор, -
Хоть бы птица кругом перелетная!
Ни души... Только смотрит: пред ним
Словно сумка лежит перемётная...

Поклонился земле богатырь,
Хочет сумку поднять – не ворохнется...
Что за диво! Ни взад, ни вперед,
А вокруг ветерок не шелохнется...

Понатужился – пот в три ручья
Покатился с лица загорелого,
И тревога за сердце взяла
Святогора, воителя смелого...

«Что за нечисть!.. Так нет же, умру,
А не дам надругаться над силою!..»
И опять приналег богатырь -
И гора стала силе могилою:

Где стоял, там он в землю ушел,
Не сдержав богатырского норова,
Вместе с тягой земною в руках...
Там – и место теперь Святогорова!..

На горе на крутой до сих пор -
Там, где бездна-овраг разверзается, -
Камень-конь своего седока
Больше тысячи лет дожидается...

А кругом – только ветер шумит,
Ветер песню поет неизменную:
«Не хвалился бы ты, Святогор,
Приподнять-опрокинуть вселенную!..»

14 ноября 1893 г.

РУСАЛОЧЬЯ ЗАВОДЬ Из волжских преданий

Под суглинистым обрывом, над зеленым крутояром
День и ночь на темный берег плещут волны
в гнев яром...

Не пройти и не проехать к той пещере, что под кручей
Обозначилась из груды мелкой осыпи ползучей...

Выбивают прямо со дна, и зимой не замерзая,
Семь ключей – семь водометов и гремят не умолкая...

Закружит любую лодку в пене их молочно-белой,
И погибнет, и потонет в ней любой безумец смелый.

Далеко потом, далёко – на просторе на гульливом -
Тело мертвое на берег Волга выбросит приливом...

Было время... Старожилы речь ведут, и не облыжно,
Что стояла эта заводь, как болото, неподвижно;

В камышах, огородивших омут чащею зеленой,
Семь русалок выплывали из речной воды студеной, –

Выплывали и прохожих звали песнями своими
Порезвиться в хороводе под луною вместе с ними.

И, бывало, кто поддастся приворотному призыву
Да сойдет к речному логу косогором по обрыву -

На него все семь русалок и накинется толпою,
Перекатным звонким смехом заливаясь над водою.

Защекотят сестры насмерть гостя белыми руками
И глаза ему замечут разноцветными песками;

А потом, потом зарюют в той пещере, в той могиле,
Где других гостей без счету – без числа нахоронили...

Клич русалочий приманный услышал один прохожий,
Вещей силой наделенный,
прозорливый старец божий, –

Услыхал и проклял заводь
нерушимым гневным словом,
И на берег, и на волны пал туман густым покровом...

В тот же миг стал осыпаться по обрыву щебень серый
И повис щитом надежным над осевшею пещерой;

А русалки так и сгибли в расхоронившейся пучине, –
Семь гремечих водометов выбивают там доныне...

Вешней ночью в этом плеске слышны тихие призывы,
Внятны робкие моления, слез и смеха переливы;

А под утро над ключами, перед зорькой ранним-рано,
Семь теней дрожат и вьются в дымном облаке тумана...

Конный мимо них несется, не жалея конской силы;
Пеший устал забывает близ русалочьей могилы...

И поют ключи, и плачут – слезно плачут в гнев яром,
Точно првят панихиды над зеленым крутояром...